Народ героям крылья подарил

Подполковник юстиции в отставке Михаил Михайлович Тебенко работает над документальной повестью «Во имя Родины» — о Герое Советского Союза Мартиросе (Михаиле) Нагуляне, погибшем 6 апреля 1945 года. В основе повести лежат действительные события и герои.

Предлагаем вниманию читателей главу из повести «Во имя Родины».

Шли тяжелые бои. Враг, отступая, создавал узлы сопротивления, переходил в контратаки.

В один из июльских дней 1944 года, когда солнце склонилось к закату, с востока, один за другим, пробежав по летному полю аэродрома, на котором дислоцировался 593-й штурмовой авиационный полк, сели двенадцать «Илов», перегнанных прямо с завода летчиками-перегонщиками.

В авиаполку строили догадки: одни говорили, что приземлившиеся штурмовики сели, чтобы дождаться утра, а затем следовать дальше по намеченному маршруту, другие предполагали, что полку дано подкрепление для выполнения сложного боевого задания.

Первой оповестила летчиков о назначении прилетевших штурмовиков писарь Тамара Михлик. Как только она услышала в штабе, что штурмовики эти построены на средства трудящихся Армении и остаются в полку, стрелой выбежала из штаба, направилась в первую эскадрилью. Летчика Нагуляна она нашла в землянке, где размещался личный состав его экипажа.

Еще не отдышавшись от стремительного бега, Тамара крикнула:

— Отгадайте, что я вам прибежала сказать?

Нагулян улыбнулся:

— Письмо пришло?

— Нет.

— Посылка?

— Ну, можно назвать и так. Целых двенадцать посылок!

Стоявший рядом авиамеханик, старший сержант Маляренко, проговорил:

— Наверное, нашему командиру каждый член колхозной бригады прислал по посылке.

— Нет,— засмеялась Тамара,— младшему лейтенанту пришел подарок от всего армянского народа. Прилетевшие сейчас штурмовики построены на денежные средства, которые трудящиеся Армении передали командующему нашим фронтом генералу армии Баграмяну, и часть этих штурмовиков по приказу командующего направлена в наш 593-й.

Вскоре землянка была заполнена до отказа. Каждому хотелось побыстрее увидеть Нагуляна. Пришли Леня Уткин, Саша Гунбин, Коля Бурцев, Леша Хухрин. Они часто вместе совершали боевые вылеты, не раз выручали друг друга в трудные минуты. Летчики вспомнили дни своего знакомства, начало дружбы, воздушные бои, победы и неудачи. Вспомнили и погибших товарищей... На прощанье Гунбин с улыбкой попросил:

— Так ты, Миша, не забудь замолвить за нас словечко полковнику Мозговому: пусть прибывших штурмовиков перекинет в нашу эскадрилью.

— Кто, кто, а ты, Саша, обойден не будешь,— смеясь, ответил Нагулян.

Утром из штаба полка по эскадрильям поступил приказ: личному составу выстроиться около прибывших двенадцати штурмовиков. Нагулян пришел первым. Взволновали, вызвали у него гордость написанные на фюзеляжах слова: «Герою Советского Союза, генералу армии Баграмяну. От трудящихся Армении».

Невольно вспомнил дядю своего, Арутюна, и двоюродных сестер — Айкануш, Римму и Марию, проживающих в Ереване. Подумал, что, может, какая-то деталь этих штурмовиков изготовлена и на внесенные ими средства. Вспомнил своего первого учителя — Арташеса Даниловича Минасяна, его рассказы об истории Армении, о том, что заставило людей стать пандухтами, переселенцами. На территории нынешнего Краснодарского края и Абхазии в числе других поселились и предки Нагуляна.

...Митинг был кратким. Начальник штаба майор Картавенко зачитал приказ командира полка о передаче всех прибывших штурмовиков в первую эскадрилью. Выступил и полковник Мозговой, говорил о благодарности командующему фронтом за переданные полку штурмовики, благодарности трудящимся Армении за их подарок, призвал личный состав полка к выполнению боевых заданий.

Третья воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации Папивина своими мощными штурмовыми ударами содействовала боевым успехам фронта.

Вскоре погоны Нагуляна украсила еще одна звездочка — звание лейтенанта ему было присвоено досрочно, за успешное выполнение боевых заданий. Назначен он был на должность командира звена, парторганизацией полка принят кандидатом в члены партии. В карточку взысканий и поощрений были внесены две благодарности от Верховного Главнокомандующего, благодарности от командующего воздушной и ударной армиями. А на гимнастерке Нагуляна заснял и третий орден — боевого Красного Знамени.

По натуре человек жизнерадостный, Нагулян и здесь, на фронте, создал в полку подобие ансамбля. Сам он хорошо играл на мандолине, умел танцевать и петь. В часы передышек, выпадавших между боями, ансамбль выступал перед однополчанами. Песни, шутки, остроты словно снимали усталость с людей. Особенно любили однополчане танцы, и начинались они обычно с вальса. Девушек было мало, и каждому хотелось потанцевать хотя бы с одной из них, легко и стремительно повести по кругу шуструю Тамару Михлик, Аню Дедловскую, которую в шутку называли «чижиком», грациозную Раю Пухову и других...

После вальса лихо отплясывал цыганочку инженер полка по вооружению — капитан Колосов. Но коронным номером программы всегда оставалась лезгинка в исполнении Нагуляна. Готовясь к танцу, он снимал с себя снаряжение, вооружался самыми большими кухонными ножами, которые повар спешил притащить из полковой столовой. Мартирос брал в руки два ножа, а третий зажимал в зубах. Танец начинался с медленных гибких покачиваний, затем темп танца нарастал. Под дружные хлопки, под выкрики «аса», вихрем носился Нагулян по кругу.

Оканчивался танец мгновенно. Нагулян останавливался и, высоко взметнув над собой ножи, поочередно ловил их и, вогнав возле ног в землю, смеясь, выходил из круга под дружные аплодисменты товарищей.

А бывало и так: вечером, с наступлением темноты, когда вокруг водворялась ночная тишина, Нагулян брал мандолину и начинал играть. Иногда игру сопровождал пением. Песни были веселые, задорные. Но бывало, пел он и другие песни — на русском и на армянском языках. Печальные песни, навевавшие думы о погибших товарищах, о родных местах, оставленных семьях. Лица слушателей становились задумчивыми, строгими, и грела их лишь мечта — увидеть счастливый день Победы.

День, до которого Мартиросу Нагуляну дожить не привелось.